

Э. Д. Фролов

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ МЛАДШЕЙ ТИРАНИИ

*(Столкновение личности и государства в Спарте
на рубеже V—IV столетий до н. э.)*

В КОНЦЕ V в. до н. э. греческие города-государства вступили в полосу социального и политического кризиса, который затянулся на добрую половину следующего столетия и был преодолен — впрочем, только до известной степени и лишь на некоторое время — путем инкорпорации Греции в состав Македонской державы¹. Кризис был порожден общими историческими причинами, и прежде всего несоответствием полисного строя прогрессивным тенденциям социально-экономического и политического развития, однако его наступление было сильно ускорено длительной и ожесточенной Пелопоннесской войной (431—404 гг.), тяжкие последствия которой в особенности сказались на судьбах побежденных государств — Афин и их союзников. Однако от потрясений не осталась свободной и держава-победительница Спарта, где консервативный, можно сказать, архаический уклад жизни и соответствующий ему государственный порядок вступили в противоречие с новыми условиями.

Как это ни парадоксально, но именно победа в Пелопоннесской войне, поставившая Спарту во главе греческого мира, оказалась для нее источником последующего быстрого упадка. Выведенный теперь из состояния оцепенения, открытый разнообразным внешним влияниям, спартанский полис скоро обнаружил не менее заметные признаки внутреннего разложения, чем это было с более развитыми и более пострадавшими от войны Афинами². Материалы, которыми мы располагаем по истории Спарты это-

¹ О социально-политическом кризисе в Греции IV в. см. А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 10—38; О. В. К у д р я в ц е в, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954, стр. 34—45; В. Н. Д ъ я к о в, Греция в первой половине IV в. до н. э., в кн. «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Калястова, М., 1956, стр. 391—447; В. С. С е р г е е в, История древней Греции, М., 1963, стр. 350—379; Cl. M o s s é, La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J. C., P., 1962.

² См. А. К. Б е р г е р, Социальные движения в древней Спарте, М., 1936, стр. 52 слл.; Р. В. Ш м и д т, Спарта, Беотия и Фессалия в IV в., в кн. «История древней Греции», ч. II («История древнего мира»), под ред. С. И. Ковалева, т. III), М., 1937, стр. 151—157; Т. Р. П и л е н к о в а - Н о в и к о в а, К вопросу о позднегреческой тирании в Спарте, в кн. «Вопросы всеобщей истории» («Уч. зап. Башкирского гос. ун-та», вып. 49, серия ист. наук, № 10), Уфа, 1970, стр. 147 сл.; Ed M e y e r, Geschichte des Altertums, Bd V, Stuttgart — B., 1902, § 751 слл., стр. 26 слл.; V. E h r e n b e r g, Sparta (D. Geschichte), RE, 2. Reihe, Bd III, Hbbd 6, 1929, стб. 1404 слл.

го периода, убедительно свидетельствуют, что здесь действовали те же разрушительные факторы, что и в остальных греческих полисах: в области экономики и социальных отношений — победоносное вторжение денег, мобилизация земельной собственности, обнищание массы спартиатов, увеличение числа неимущих и неполноправных граждан и усиление противоречий между ними и немногочисленной привилегированной верхушкой, что нашло столь яркое выражение в заговоре Кинадона (397 г.); в области политической — растущая несостоятельность примитивного полисного государства не только перед лицом этих внутренних трудностей, но и в особенности перед лицом сложных внешнеполитических задач, в данном случае перед необходимостью осуществлять руководство сложившейся обширной державой и в связи с этим, в связи с поисками новых методов и форм — столкновение энергичных политиков нового типа с ревнителями старины, с носителями традиционного уклада и порядка, с официальной общиной и государством. Отражением всего этого в сфере идеологии было прогрессирующее внедрение в жизнь и быт Спарты новых понятий и представлений, причем не было недостатка в попытках и теоретического их обоснования, например Лисандром, и ответной реакции на них, например со стороны царя Павсания, составившего, несомненно с полемической целью, специальный трактат о древнем законодателе Ликурге. Хотя привилегированной, господствующей верхушке спартанского полиса удалось на время справиться с опасными тенденциями внутреннего разложения и задержать более чем на 150 лет вспышку социальных смут, было бы крайне поучительно рассмотреть подробнее развитие некоторых из этих тенденций на рубеже V — IV столетий, т. е. в самом начале того периода, который связывается в нашем представлении с понятием кризиса полиса. Интересуясь преимущественно вопросом политического кризиса, и в частности историей младшей тирании, мы избрали для такого рассмотрения тему взаимоотношений так называемой сильной личности и государственного порядка — тему, актуальную не только с собственно исторической, но и с историографической точки зрения.

Действительно, нельзя пожаловаться на недостаток источников, относящихся к нашей теме: здесь и рассказы современных и хорошо осведомленных историков Фукидида и Ксенофонта, и замечания ораторов и философов Лисия и Исократы, Платона и Аристотеля — тоже современных или, как Аристотель, недалеко еще отстоящих от интересующего нас периода и, наконец, свидетельства позднейших писателей — греческих Диодора и Плутарха и латинских Корнелия Непота и Помпея Трога (в переложении Юстиана). Последние, хотя и в искаженной несколько форме, донесли до нас важные сведения, восходящие не только к известным нам трудам Фукидида и Ксенофонта, но и к другим, утраченным ныне, но тоже очень ценным сочинениям, в первую очередь популярных в позднейшей античности писателей, младших современников Ксенофонта — Эфора и Фебомпа. Однако в интерпретации этих материалов и в оценке интересующих нас явлений в новейшей историографии обнаружилось значительное расхождение в соответствии с различиями в научных и мировоззренческих установках. Удобнее всего это можно проследить на примере отношения к Лисандру. Весьма плодотворным было изучение жизни и деятельности этого политика в историографии XIX — начала XX в. Исходя из позитивного отношения к античной традиции и давая ей острое политическое истолкование, историография того времени в особенности в лице немецких ученых В. Фипера, В. Юдейха, Эд. Мейера, Ю. Белоха, У. Каршtedта, В. Эренберга подчеркивала роль Лисандра как новатора, как испровергателя старого порядка и своеобразного предтечу или даже уже представителя новой политической системы с ярко выраженным индиви-

дуалистическим и авторитарным, монархическим началом³. Взгляд на Лисандра как на носителя новых политических начал, видоизмененный и переосмысленный, лег в основу оценки Лисандра в научно-популярном очерке А. К. Бергера (Лисандр — предтеча младшей тирании)⁴, и в более специальных исследованиях С. Я. Лурье и его ученицы Э. И. Соломоник (Лисандр — предтеча эллинизма)⁵, и в послевоенных общих трудах по истории древней Греции⁶.

Между тем чрезмерный упор на новаторские моменты в деятельности Лисандра, очевидное тенденциозное их истолкование в духе модных на рубеже столетия исторических концепций (возвеличение «национальной» монархии, преклонение перед ее творцами Филиппом и Александром, страстные поиски их «предтеч» еще в классическую эпоху) породили в 30—40-х годах нашего века естественную реакцию, нашедшую отражение в особенности в трудах англо-американских исследователей — отчасти уже у Г. Парка, указавшего на традиционность ряда элементов (в частности института гармостов) основанной Лисандром системы господства, а затем главным образом у В. Прентиса и Р. Смита⁷. Прентис, исходя из правильной предпосылки о необходимости критического отношения ко всем порочащим Лисандра сообщениям, задался целью полностью снять с этого политика обвинения в жестокости, коварстве и нелояльности, которые возводились на него в древности. Он доказывал, что действия Лисандра не определялись его личной инициативой, но были выражением официальной линии спартанского государства и что лишь позднее все дурное, что было связано с тогдашней спартанской политикой, стали относить на счет того, кто ее непосредственно проводил, т. е. Лисандра. Вообще, подчеркивал Прентис, подавляющее большинство порочащих Лисандра свидетельств содержится у позднейших писателей — Диодора, Плутарха и Корнелия Непота, которые все черпали свои сведения из Эфора, а этот последний, в свою очередь, из какого-то современного Лисандру, но враждебного ему и дружественного афинянам источника, так что все эти свидетельства ввиду их очевидной тенденциозности не имеют никакой цены; напротив, показательное молчание других современных или почти современных Лисандру писателей — Ксенофонта и Феопомпа, не сообщающих о нем ничего дурного.

Это построение, однако, не выдерживает критики: умолчание Ксенофонта и Феопомпа могло быть также порождено тенденциозностью — нежеланием этих проолигархически и проспартански настроенных писателей сообщать факты, бросающие тень на спартанских руководителей. К тому же и самое умолчание это, во всяком случае у Ксенофонта, не столь бесспорно, как это выглядит у Прентиса. Трудно также понять,

³ W. Vischer, Kleine Schriften, Bd I, Lpz, стр. 87—152 (статья «Alkibiades und Lysandros»); W. Judeich, Kleinasiatische Studien, Marburg, 1892, стр. 6 сл., 24 сл.; Meuer, ук. соч., V, § 739 сл., стр. 3 сл.; K. J. Velsch, Griechische Geschichte, 2. Aufl., Bd III, Abt. 1, B.—Lpz, 1922, стр. 1 сл.; U. Kahstedt, Lysandros, I, RE, Bd XIII, Hbbd 26, 1927, стб. 2503—2506; Ehrenberg, ук. соч., стб. 1399 сл.

⁴ Бергер, ук. соч., стр. 55.

⁵ С. Я. Лурье, Две истории пятого века, в кн.: Плутарх, Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 27 сл.; Э. И. Соломоник, Кир Младший, «Уч. зап. ЛГУ», № 80, серия ист. наук, вып. 10, Л., 1941, стр. 177, 179; она же, Ксенофонт, Кир Младший и Лисандр как предшественники эллинизма. Тезисы диссертации, Л., 1948.

⁶ Я. А. Ленцман, Пелопоннесская война, в кн. «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956, стр. 336—338.

⁷ H. W. Parke, The Development of the Second Spartan Empire (405—371 B. C.), JHS, L, 1930, стр. 37 сл.; W. K. Prentice, The Character of Lysander, AJA, XXXVIII, 1934, № 1, стр. 37—42; R. E. Smith, Lysander and the Spartan Empire, «Classical Philology», XLIII, 1948, № 3, стр. 145—156.

почему на счет тенденциозных измышлений проафинской традиции следует отнести не только всякие рассказывавшиеся о Лисандре «гнусные истории» (*ugly stories*), включая и о манипуляциях с оракулами, но и все предание о разрабатывавшемся им плане политической реформы: не слишком ли много для того, чтобы опорочить память одного человека? Немногим более убедительным выглядит и построение Смита, который, исходя из правильного постулата о соответствии политики Лисандра официальному империалистскому курсу Спарты, сделал попытку — отчасти в развитие взглядов Прентиса — опровергнуть сложившееся уже в древности и принятое новейшей историографией представление о конфликте между Лисандром и спартанской общиной и обусловленном этим падении всесильного полководца.

Вообще, невзирая на историографическую закономерность и верность некоторых исходных посылок, предпринятый Прентисом и Смитом пересмотр установившихся представлений нельзя признать плодотворным, ибо, подчеркивая в духе гиперкритицизма недостоверность или ненадежность традиции, он закрывал путь к конструктивному, исполненному идейного смысла исследованию. Вот почему вскоре обнаружился поворот к прежним методам позитивной, политически заостренной интерпретации. Так, Д. Лотце, указывая на традиционность ряда моментов в политической деятельности Лисандра, отказываясь от представления о его решительном «падении» и от прямолинейной трактовки его как предтечи эллинизма, все же признает и новаторство Лисандра (в частности в установлении системы декархий), и наличие известной трагедии, известного несоответствия — если и не между личностью и государством, как это было в случае с Алкивиадом, то между действиями и целями самого Лисандра, чья энергичная новаторская политика была направлена на то, чтобы закрепить господство в быстро развивавшемся греческом мире за отсталой, консервативной Спартой⁸. Равным образом и Г. Берве в последней своей работе о греческой тирании, касаясь опасных тенденций возрастания роли и значения отдельной личности в классическом полисе, останавливается на особенностях карьеры Лисандра и, хотя и отрицает наличие у него тиранических замыслов, своим позитивным отношением к традиции и вниманием к возможностям конфликта между сильной личностью и государством в Спарте стимулирует интерес к исследованию избранной нами темы⁹. По-видимому, обнаружившаяся в работах Лотце и Берве тенденция средней линии единственно верная; она предостерегает от крайностей и слишком широких обобщений, и слишком глубокого скепсиса. Придерживаясь этой линии, мы попытаемся еще раз проследить развитие отношений между личностью и государством в Спарте, тем более что тема эта не нашла полного отражения у Лотце и лишь конспективно изложена у Берве.

Опасный для полисного, республиканского строя рост политического значения отдельной личности, подготовленный спонтанным развитием греческих полисов, был сильно ускорен Пелопоннесской войной. Именно в ходе этой войны отчетливо обнаружилось противоречие между полисными, коллективистическими принципами жизни и запрочасами ощутившей свою силу личности, в связи с чем в среде граждан вновь ожила, никогда, впрочем, совершенно не умиравшая, тревога перед возможным возрождением тирании¹⁰. Впервые это проявилось в Афинах, более развитых и подвер-

⁸ D. L o t z e, *Lysander und der peloponnesische Krieg* (Abhandl. der Sächsischen Akad. der Wiss. zu Leipzig. Phil.-hist. Kl., Bd LVII, Ht 1), В., 1964. См. также нашу рецензию в ВДИ, 1964, № 4, стр. 156—159.

⁹ H. B e r v e, *Die Tyrannis bei den Griechen*, Bd I—II, München, 1967 (I, стр. 213 сл.; II, стр. 633).

¹⁰ Ср. там же, I, стр. 207 слл.; II, стр. 630 слл.

женных воздействию войны, чем любой другой полис. Сначала Алкивиад своим вызывающим поведением, своими необычайными успехами и неоднократными чрезвычайными назначениями дал повод для серьезных опасений, а затем в лице антидемократических режимов Четырехсот и Тридцати, носивших до известной степени характер корпоративных тираний, афиняне действительно столкнулись с тем, чего они так сильно опасались. Не осталась совершенно в стороне от этих новых веяний и Спарта.

Спартанское государство, пройдя в ранний период через полосу неизбежных смут, затем в течение долгого времени было эталоном стабильности и порядка. Консервативная конституция, связанная с именем полупо- легендарного законодателя Ликурга, служила надежной гарантией против происков любых честолюбцев, и спартанцы могли гордиться тем, что они с давних пор жили в условиях законности и никогда не были подвластны тиранам (см. *Thuc.*, I, 18, 1 — *ἡ γὰρ Λακεδαιμόνων* <...> *ἐκ παλαιτάτου καὶ ἡννομιήθη καὶ αἰεὶ ἀτυράννευτος ἦν*; ср. также *Herod.*, V, 92). Однако в последней трети V в. в связи с участием Спарты в Пелопоннесской войне эта стабильность была существенно поколеблена. Чрезвычайная ситуация военного времени, затянувшаяся на долгие годы, постепенно распатала устой традиционного спартанского космоса (порядка) и, конечно, развязала энергию отдельных честолюбцев. Одновременно живой контакт с остальным, охваченным сильнейшим брожением греческим миром, контакт, который теперь нельзя было остановить никакими запретами, должен был сообщить добавочный толчок местному движению, направленному на подрыв традиционных основ. В плане высвобождения личности от сковывающей опеки полиса это движение было связано прежде всего с именами трех спартанских полководцев — Брасида, Гилиппа и Лисандра.

Необычной была уже военная экспедиция Брасида (424—422 гг.), который с войском, составленным из илотов и наемников, с согласия государства, но на свой страх и риск совершил далекий и длительный поход на Север с целью нанесения удара по тылам Афинской архэ, тем самым дав повод не только к изменению общей стратегии войны и характера войска, но и к неизбежному в таких условиях повышению военной и политической роли отдельного полководца (см. *Thuc.*, IV, 70 слл.; *Diod.*, XII, 67 слл.). Необычны были также те почести, которые оказали Брасиду — и при жизни его, и после смерти — жители маленьких городков, освобожденных им от власти афинян. Так, скионяне официально (*δημοσίᾳ*, т. е. от имени государства) наградили его золотым венком как освободителя Эллады (*ὡς ἐλευθεροδότην τὴν Ἑλλάδα*) и частным образом (*ἰδίᾳ*, т. е. отдельные граждане) увенчивали его головными повязками — тениями и посвящали ему начатки плодов как атлету (*ὡσπερ ἀθλητῆ*) (*Thuc.*, IV, 121, 1). Амфиполиты, в свою очередь, после его смерти почтили его различными почестями как героя (*ὡς ἥρω*), как нового основателя города (*ὡς οἰκιστῆ*), как своего спасителя (*σωτῆρα*) (там же, V, 11, 1). Мы присутствуем здесь при самом зарождении нового обычая относить почести, ранее назначавшиеся героям или атлетам, на личность удачливого полководца и властителя. Именно эта новизна заставляет Фукидида, который нам об этом рассказывает, все время сопоставлять — чтобы таким образом и объяснить — роль Брасида с ролью героев и иных традиционных персонажей¹¹.

Параллель к походу Брасида составляет при всех существенных различиях экспедиция Гилиппа, отправленного спартанским правительством в качестве полномочного эмиссара в Сицилию (414—413 гг.) с поручением оказать скорейшую помощь сиракузянам с правом поступать по собствен-

¹¹ О Брасиде ср. Рагке, ук. соч., стр. 40—43; Вегве, ук. соч., I, стр. 213; II, стр. 632.

ному усмотрению, лишь согласовав свои действия с сиракузянами и коринфянами (см. Thuc., VI, 93, 2—3; 104; VII, passim; Diod., XIII, 7 сл., 28 слл.; Plut., Nic. 18 слл.; Justin., IV, 4 сл.). Личной инициативе и железной воле этого спартиата в значительной степени была обязана своим успехом оборона Сиракуз (ср. суммирующую оценку у Плутарха — Nic. 19, 6). Позднее Гилипп был одним из сотрудников Лисандра; суровый и бескомпромиссный воин, он не устоял, однако, перед соблазном присвоить себе часть драгоценной добычи, которую Лисандр после победы при Эгоспотамах поручил ему доставить в Спарту, и тем подал дурной пример многим своим соотечественникам (см. Diod., XIII, 106, 8—10; Plut., Lys. 16 сл. (ср. Per. 22, 4; Nic. 28, 4); Posidon. ap. Athen., VI, 24, p. 234 a = FGGrH, 87 F 48)¹².

Но особенно ярка в плане интересующих нас тенденций фигура Лисандра, и более значительная сама по себе, и более выпукло отраженная в источниках, в особенности благодаря обстоятельной биографии, составленной Плутархом. На примере Лисандра особенно хорошо заметно развитие и в Спарте двух опаснейших для любого республиканского — или применительно к Спарте лучше сказать «конституционного» — строя тенденций: объективное повышение роли отдельных военачальников на основе проводившейся самим государством практики чрезвычайных назначений и соответственный рост честолюбивых и властолюбивых устремлений у возвысившихся полководцев и политиков. Уже во время первой своей навархии в 407 г. Лисандр зарекомендовал себя способным военачальником, энергичным и вместе с тем расчетливым, отлично понимающим не только военные, но и политические аспекты своей миссии (важнейшие источники для истории первой навархии Лисандра — Xen., Hell. I, 5; Diod., XIII, 70 сл.; Plut., Lys. 3 слл.; Justin., V, 5)¹³. Он укрепил спартанский флот, расстроенный предыдущими неудачами, провел большую работу по консолидации антиафинских и антидемократических сил в малоазийских городах, положив начало межполисному объединению олигархов, наладил отличные отношения с новым персидским наместником — караном Малой Азии, царевичем Киром Младшим, который теперь стал щедро финансировать спартанский флот, и, наконец, добился важного если не в военном, так в моральном и политическом отношении успеха при Нотии. Его преемник Калликратид, мужественный, но бесхитростный спартиат традиционного склада, не сумел ни использовать, ни даже сохранить эти достижения, и после тяжкого поражения при Аргинусских островах Спарта по настоянию своих союзников, как малоазийских греков, так и Кира, должна была вновь призвать Лисандра. При этом, дабы не нарушать традиции, прибегли к фикции: поскольку по закону нельзя было одному и тому же лицу дважды занимать должность наварха, этим званием облекли второстепенного офицера Арака, а Лисандра назначили его заместителем — эпистолеом, на деле, однако, вручив ему всю полноту власти на море (см. Xen., Hell. II, 1, 6—7; Diod., XIII, 100, 7—8; Plut., Lys. 7, 2—3). В таком качестве Лисандр возглавлял спартанский флот в 405 г., когда под его командованием была одержана решающая победа при Эгоспотамах; затем, по всей видимости, его полномочия были продлены, ибо он продолжал командовать спартанским флотом и в следующем 404 г. (для истории этой второй навархии Лисандра (405—404 гг.) важнейшие источники — Xen., Hell. II, 1 слл.; Diod., XIII, 104 слл.; Plut., Lys. 7 слл.; Nepos, Lys. 1 сл.; Justin., V, 6 слл.)¹⁴.

¹² Ср. также Рагке, ук. соч., стр. 43 сл.; Вегве, ук. соч., I, стр. 213; II, стр. 632.

¹³ Подробнее см. Lotze, ук. соч., стр. 9—23.

¹⁴ См. также Lotze, ук. соч., стр. 24 слл., 42 слл.

Длительное пребывание на посту командующего и практически неограниченные полномочия, которыми Лисандр обладал как для ведения военных действий, так и для политического устройства «освобожденных» территорий, сделали его центральной фигурой в заключительных, решающих событиях Пелопоннесской войны. Естественно, что с его именем по преимуществу стали связывать конечный успех лакедемонян в войне, ему одному стали оказывать то почтение и те почести, которые причитались всему государству лакедемонян. Повторялось то, что мы уже видели в случае с Брасидом, но в несравненно больших масштабах и в более четкой и совершенной форме. Многие города по инициативе проолигархической и проспартански настроенных элементов награждали Лисандра венками (см. Xen., Hell. II, 3, 8, с подчеркиванием личного характера награды — «венки, которыми награждали его лично союзные государства» στεφανούς, ὅς παρὰ τῶν πόλεων ἐλάμβανε δῶρα ἰδία — и Plut., Lys. 16, 1, с характерным объяснением причины — ибо «многие, как и следовало ожидать, подносили подарки самому могущественному из греков, своего рода владыке всей Греции» πολλῶν, ὡς εἰκός, δίδόντων ἀνδρὶ δυνατοτάτῳ καὶ τρόπον τινὰ κριτῆ τῆς Ἑλλάδος)¹⁵. В различных святилищах выставлялись его изображения: в храме Артемиды в Эфесе (посвящение эфесцев), в Олимпии (посвящение самосцев) (см. Paus., VI, 3, 14 сл.). Победителя афиня окружал хор поэтов и кифаредов, на все лады прославлявших его деяния (см. Plut., Lys. 18, 7 сл., где названы поэты Херил, Антилох, Антимах из Колофона и Никерат из Гераклеи и кифаред Аристоной; к ним следует, по-видимому, добавить Иона Самосского, составителя эпиграммы на базе статуи Лисандра в Дельфах — см. ниже). Но самым замечательным было возникновение культа Лисандра. По свидетельству самосского историка Дурида, сохраненному у Плутарха, «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу (ὡς θεῶ), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut., Lys. 18,5 = FGnH, 76 F 71, с цитированием начальных строк одного из таких пеанов, что должно служить надежным подтверждением достоверности этого свидетельства Дурида; ср. также Duris ap. Athen. XV, 52, p. 696 e = FGnH, 76 F 26). В частности, как указывается далее у того же Плутарха (и, очевидно, все также на основании свидетельств Дурида), на Самосе официальным постановлением традиционный здесь праздник в честь богини Геры был преобразован в праздник Лисандра (Σάμοι δὲ τὰ παρ' αὐτοῖς Ἡραϊὰ Λυσάνδρεια καλεῖν ἐφῆφισαντο) (Plut., Lys. 18, 6; ср. Hesych. и Phot. Lexicon, s. v. Λυσάνδρεια). Новый этот праздник, справлявшийся с жертвоприношениями и агонами, просуществовал, впрочем, недолго — не дольше, во всяком случае, чем спартанская гегемония на море, конец которой наступил после битвы при Книде (394 г.)¹⁶.

Хотя в приведенном Плутарховом переложении Дурида утверждение о многих городах, назначавших божественные почести Лисандру, обязано своим происхождением скорее всего самому Плутарху, который мог расширительно истолковать свидетельство Дурида об одном лишь Самосе, даже и в таком случае трудно переоценить значение этого засвидетельствованного античной традицией явления. Здесь мы сталкиваемся с дальнейшим и весьма радикальным развитием отмеченной уже в случае с Брасидом тенденции освящения культом личности могущественного полко-

¹⁵ Переводы из Ксенофонта — С. Я. Лурье, из Плутарха — М. Е. Сергеевко.

¹⁶ Об устройстве и времени существования Лисандрий см. также F. D u r r b a c h, Lysandria, в кн. Ch. D a r e m b e r g, E. S a g l i o et E. P o t t i e r, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, III, 2, P., 1904, стр. 1451; M. P. N i l s s o n, Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluß der attischen, Lpz., 1906, стр. 49; S c h e r l i n g, Lysandreia, RE, Bd XIII, Hbbd 26, 1927, стб. 2502 сл.

водца и властителя. Если Брасиду в благодарность за то, что он сделал для них, амфиполиты декретировали посмертно героические почести, то Лисандру, очевидно, в меру свершенного им были определены почести божественные и при жизни. Это — один из первых примеров прижизненного воздания божественных почестей полководцу в древней Греции, в явлении этом нельзя не видеть предвосхищения будущей эллинистической эпохи¹⁷. При этом, как правильно подчеркивается у Д. Лотце, очевидны объективные, политические основания такой акции. Не абстрактные религиозные мотивы и не какие-либо личные достоинства Лисандра определили решение самосских аристократов учредить *Λισάνδρεια*; главную роль сыграли здесь политические заслуги спартанского полководца перед самосской олигархией. Труднее ответить на вопрос о степени участия во всем этом самого Лисандра. Лотце — здесь именно в духе скептического направления — отвергает мысль о том, что инициатива могла исходить от самого Лисандра, и считает инициаторами самосских олигархов, и только их одних. Однако принимая во внимание, что Лисандр, как это убедительно доказывает тот же Лотце, присутствовал при учреждении собственного культа на Самосе, и зная его крайнее честолюбие и умение использовать в целях личной пропаганды все, в том числе и религию, мы не удивились бы, если бы оказалось, что он сам приложил руку к установлению своего культа. Впрочем, сейчас важно отметить другое: как признает это и Лотце, «знаменательным для характеристики общественного положения Лисандра является то, что благодарность самосцев была направлена на него как на отдельного человека, а не на государство, на службе которого он состоял. Развитие Пелопоннесской войны повлекло за собой то, что государство часто стало отступать на задний план по сравнению со своим полководцем»¹⁸.

Несомненно, что все это должно было сильнее всего подхлестнуть и без того высоко развитое честолюбие спартиата (в наличии у Лисандра такого честолюбия — природного или внушенного воспитанием (ср. Plut., Lys. 2), сейчас это не имеет значения, — сомневаться не приходится: это ярко подтверждается всем его образом действий, о котором мы сейчас будем говорить)¹⁹. Действительно, само объективное положение вещей должно было подсказывать Лисандру мысль о могуществе и значении собственной персоны, о практически неограниченных возможностях личного успеха. Обладая характером не только честолюбивым, но и

¹⁷ Новаторский характер культа Лисандра признает и подчеркивает большинство новейших исследователей. См. E. K o r n e m a n n, Zur Geschichte der antiken Herrscherkulte. «Klio», Bd I, 1901/2, стр. 54 сл.; D u r g b a c h, ук. соч.; J. K a e r s t, Geschichte des Hellenismus, 3. Aufl., Bd I, Lpz — B., 1927, стр. 130; A. D. N o c k, Σουλός Θεός, «Harvard Studies in Classical Philology», vol. XLI, 1930, стр. 59 сл.; Ch. H a b i c h t, Gottmenschentum und griechische Städte, München, 1956, стр. 3 сл.; L. C e r f a u x et J. T o n d r i a u, Un concurrent du christianisme. Le culte des souverains dans la civilisation greco-romaine, P. — Tournai, 1957, стр. 109 сл.; L o t z e, ук. соч., стр. 52 сл.; H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, 4. Aufl., München, 1969, стр. 259. Отрицают: U. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, Der Glaube der Hellenen, Bd II, B., 1932, стр. 263 сл.; F. T a e g e r, Charisma, Bd I, Stuttgart, 1957, стр. 161 сл. Ср. также M. P. N i l s o n, Geschichte der griechischen Religion, Bd II, München, 1950, стр. 132 сл.

¹⁸ L o t z e, ук. соч., стр. 54 сл.

¹⁹ Причиной, стимулировавшей развитие в Лисандре крайнего честолюбия, иногда считают его зависимое, ущемленное положение в молодые годы, ибо некоторые авторы указывают, что он был по происхождению мофаком (см. Phylarch. ap. Athen., VI, 102, p. 271 e — f = FGrH, 81 F 43; A e l i a n., VH, XII, 43; ср. V i s c h e r, ук. соч., I, стр. 128 сл.; M e u e r, ук. соч., V, § 720, стр. 629—634; L o t z e, ук. соч., стр. 12, с особенным, впрочем, истолкованием понятия «мофак»). Однако в правоте этого взгляда позволительно усомниться в такой же степени, в какой в данном случае внушает сомнение надежность античной традиции (ср. B e l o s c h, ук. соч., II, 1, стр. 416, прим. 1; K a h r s t e d t, ук. соч., стб. 2503).

деятельным, он рано должен был обратиться к практическим шагам в этой области, и действительно, насколько нам известна политическая деятельность Лисандра, усилия, направленные к торжеству дела Спарты и олигархии, с самого начала сочетались в ней со стремлениями обеспечить свое собственное первенствующее положение. Так было уже в период первой навархии Лисандра, когда он работал над консолидацией сил общегреческой олигархии, ориентируясь прежде всего на лично связанных с ним людей — на своих друзей (*φίλοι*) и гостеприимцев (*ξένοι*) (см. *Plut.*, *Lys.* 5, 6; ср. *Xen.*, *Hell.* I, 6, 4)²⁰. Так было в период его второй навархии, в самом конце Пелопоннесской войны, когда он последовательно проводил назначение декархов и гармостов во вновь завоеванных или как-нибудь иначе подчиненных городах из числа лично преданных ему людей. Такой именно принцип назначения декархов отмечают Плутарх и Непот: *Plut.*, *Lys.* 13, 7; 19, 2; *Nepos*, *Lys.* 1, 5; о назначении гармостов см. *Xen.*, *Hell.* II, 2, 2 (Сфенелай в Византии и Калхедоне); *Diod.*, XIV, 3, 5 (Форак на Самосе; при этом ср. *Plut.*, *Lys.* 19, 7, где Форак выразительно назван одним из друзей и сотрудников Лисандра — *τῶν μὲν φίλων αὐτοῦ καὶ συστρατιῶν ἕνα*); *Xen.*, *Hell.* II, 3, 13 сл. (Каллибий в Афинах; в этом случае, правда, назначение исходило от спартанской общины, но Лисандр ему содействовал — *συνεπράξεν*)²¹. Важным при этом было то, что созданные таким образом проспартанские режимы были не столько нормальными, развившимися естественным путем олигархиями, сколько корпоративными тираниями, приведенными к власти и поддерживаемыми лично Лисандром (ср. в особенности историю афинских Тридцати)²². Обязанное своим назначением прежде всего самому Лисандру, носители этих режимов отлично понимали свою личную от него зависимость и в случае нужды именно к нему обращались за помощью, тогда как он со своей стороны делал все от него зависящее, чтобы обеспечить сохранение власти за этими своими ставленниками (ср. эпизоды с помощью тем же Тридцати — *Xen.*, *Hell.* II, 7, 33 сл.; 4, 28 слл.; *Lysias*, XII, 59; *Plut.*, *Lys.* 21; с организацией экспедиции Агесилая в Малую Азию ради восстановления режима декархий — *Xen.*, *Hell.* III, 4, 2 слл.; *Plut.*, *Lys.* 23; *Ag.* 6 слл.).

Все это несомненно свидетельствует и об объективной трансформации Лисандра из спартанского военачальника в общегреческого властителя, и о личных его стремлениях упрочить свое могущество в Элладе (ср. высказывания древних — *Plut.*, *Lys.* 13, 6; 16, 1; 21, 2; *Nepos*, *Lys.* 1, 4; 2, 1). В практическом отношении важным, однако, было и то, что эта трансформация и эти стремления проявлялись не только во внешней сфере, не только в остальной Греции, но и в самой Спарте, что находило выражение и в упоминавшемся уже заинтересованном и самовластном назначении гармостов, и в еще более показательном, прямо уже княжеском пожаловании города и земель «освобожденного» Сеста своим кормчим и начальникам гребцов (см. *Plut.*, *Lys.* 14, 3). Чувствуется это и в характерном вмешательстве Лисандра в спор о престолонаследии после смерти царя Агиса (399 г.), вмешательстве, продиктованном, по всей видимости, желанием иметь в лице Агесилая многим, если не всем, обязанного ему чело- века, послушную свою креатуру (см. *Xen.*, *Hell.* III, 3, 3 сл.; *Plut.*, *Lys.* 22, 6 слл.; *Ag.* 3, 4 слл.; *Paus.*, III, 8, 10; *Nepos*, *Ag.* 1, 5). Успех Ли-

²⁰ Ср. *K a h r s t e d t*, ук. соч., стб. 2503; *E h r e n b e r g*, ук. соч., стб. 1399 сл.

²¹ Ср. *K a h r s t e d t*, ук. соч., стб. 2504; *E h r e n b e r g*, ук. соч., стб. 1400 слл.

²² На такой характер послевоенных олигархических режимов справедливо указывал уже Г. Пласс (см. *H. G. P l a s s*, *Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen*, II, Bremen, 1852, стр. 84).

сандра в этом последнем деле (уже после своего так называемого падения) — доказательство того, что не только за пределами Спарты, но и среди самих спартанцев он располагал влиятельной партией друзей (ср. характерные упоминания о них у Плутарха в рассказах о спорах в Спарте по поводу присланных Лисандром вместе с Гилиппом денег — *Lys.* 17, 6; о намерении Лисандра реформировать царскую власть — там же, 24, 4; об интриге с Силеном — там же, 26, 2—3). Что все это представляло опасность для спартанского государственного порядка, — об этом нет нужды долго говорить. Конфликт между Лисандром и официальными представителями спартанского космоса — царями (главным образом в лице ревностного приверженца старины Павсания) и эфорами — был неизбежен, а возраставшие надменность и нетерпимость всеильного спартиата (об этих его качествах см. *Plut.*, *Lys.* 18 сл.; *Nepos*, *Lys.* 1, 3) должны были лишь ускорить развитие конфликта.

Мы едва ли в состоянии проследить, как именно развивался этот конфликт (показание источников на этот счет не отличаются достаточной ясностью и полнотой), но мы не можем заблуждаться относительно решимости, с которой спартанская община выступила в конце концов против своего слишком занесшегося полководца²³. Впрочем, если не придерживаться крайнего, гиперкритического взгляда на состояние нашей традиции, то, комбинируя рассказ нашего главного источника — Плутарха — с данными других авторов, можно, пожалуй, наметить и основные этапы этого конфликта. Вскоре после окончания войны, по-видимому, летом того же 404 г., Лисандр по поручению своего правительства отправился в очередной рейд по городам отдаленных северных и северо-восточных районов Халкидики, Фракии и Геллеспонта для окончательного устроения тамошних дел в спартанском духе (см. *Diod.*, XIV, 10, 1; *Plut.*, *Lys.* 16, 1; *Nepos*, *Lys.* 2, 2)²⁴. Самоуправство и бесцеремонность, с которыми распоряжались теперь в подчиненных областях Лисандр и его присные, вызвали протесты со стороны местного населения. С жалобами в Спарту обратился, между прочим, и персидский сатрап Фарнабаз, чья область также подверглась разорению (см. *Plut.*, *Lys.* 19 сл.; ср. *Nepos*, *Lys.* 4; *Polyaen.*, VII, 19). Политические противники Лисандра, активность которых обнаружилась еще во время дебатов по поводу доставленных Гилиппом сокровищ (см. *Plut.*, *Lys.* 17), воспользовались этими обращениями союзников и настояли перед правительством на необходимости пресечения самоуправства Лисандра. По-видимому, еще раньше были отменены распоряжения Лисандра относительно устройства в Сесте колонии его привилегированных ветеранов (см. *Plut.*, *Lys.* 14, 3); теперь были привлечены к суду и покараны за нелояльность некоторые из высокопоставленных друзей Лисандра, в частности Форах, который был уличен в незаконном владении деньгами, а он сам еще до окончания срока своих полномочий был отозван специальной депешей в Спарту (см. там же, 19, 7; *Polyaen.*, I, c.). Хотя из-за авторитета и популярности Лисандра эфоры и не решились, по-видимому, начать против него формальный процесс, тем не менее случившееся должно было послужить для Лисандра грозным предупреждением. Не желая рисковать, он счел за лучшее на время отступить в тень и под предлогом выполнения данного во время осады города Афития (в Халкидике) обета отправился на поклонение к оракулу Аммона в Ливии (см. *Plut.*, *Lys.* 20, 6 слл.; ср. *Paus.*, III, 18, 3). Однако в его отсутствие противная группировка, возглавлявшаяся царем Павса-

²³ Попытка Р. Смита отрицать этот очевидный факт представляется нам, таким образом, совершенно неоправданной.

²⁴ Следуем хронологии Д. Лотце (ук. соч., стр. 51 слл.).

нием, еще более активизировалась, и когда зимой 404/3 г. началась новая смута в Афинах и вернувшийся из Ливии Лисандр выступил с инициативой немедленного вмешательства в пользу афинских олигархов и даже добился соответствующих назначений для себя и своего брата Либия, царь Павсаний с согласия большинства эфоров авторитетно вмешался в начавшуюся уже кампанию и, приняв на себя верховное командование, довел дело до всем известного примирения — в первую очередь ради того, чтобы не допустить возвращения к власти в Афинах лично связанных с Лисандром олигархов (см. Xen., Hell. II, 4, 28 слл.; Lysias, XII, 58 слл.; Arist., Ath. pol. 38 слл.; Diod., XIV, 32, 6; 33, 5 слл.; Plut., Lys. 21; Nepos, Thras. 3; Justin., V, 10, 6 слл.). Хотя по возвращении в Спарту Лисандру удалось, склонив на свою сторону второго царя Агиса, возбудить против Павсания дело по обвинению в государственной измене, состоявшийся процесс закончился оправданием Павсания, и это, несомненно, означало новое политическое поражение Лисандра (см. Paus., III, 5, 2). Развивая свой успех, противная группировка вскоре добилась ликвидации основанной Лисандром системы декархий, тем самым решающим образом подорвав его могущество за пределами Спарты (см. Xen., Hell. III, 4, 2 и 7; Plut., Ages. 6, 2; Nepos, Lys. 3, 1)²⁵.

Нет нужды, таким образом, отрицать политическое падение Лисандра, свершившееся в ближайшие год или два по окончании Пелопоннесской войны, хотя, с другой стороны, и не следует, по-видимому, придавать этому факту абсолютное значение. В различных городах Эллады, в особенности в малоазийских, у Лисандра оставались многочисленные друзья, а следовательно, и известное влияние, да и в самой Спарте, как это показала история с избранием на царство Агесилая, он продолжал обладать значительным весом. В последующие годы он по крайней мере дважды еще попытался использовать это для нового возвышения: первый раз, когда он содействовал назначению Агесилая в Малую Азию, рассчитывая, отправившись вместе с ним, восстановить основу своего могущества — декархий (396 г.), и второй, когда он сам получил назначение в начавшейся войне в Средней Греции (395 г.). Но в первом случае он оказался обманут своим не менее честолюбивым и еще более хитрым протезе (см. Xen., Hell. III, 4, 2 слл.; Plut., Lys. 23 слл.; Ages. 6 сл.), а во втором смерть его наступила раньше, чем он успел чего-либо добиться (см. Xen., Hell. III, 5, 6 слл.; Diod., XIV, 84, 1 слл.; Plut., Lys. 28 слл.; Paus., III, 5, 3; IX, 32, 5; Nepos, Lys. 3, 4; Justin., VI, 4, 6). Он умер как спартиат, выполняя поручение, данное ему общиной, и ему были оказаны все помертвые почести, какие полагались достойным служителям государства (см. Plut., Lys. 30, 6 сл.). И лишь спустя некоторое время в доме Лисандра среди прочих деловых документов случайно был обнаружен тщательно разработанный проект переустройства государства на новых и опасных началах и стало известно — или впервые оказалось возможным составить правильное представление — о практических шагах, предпринимавшихся Лисандром в этом направлении (краткие упоминания о замыслах Лисандра — Arist., Pol. V, 1, 5, p. 1301 b 19—20; 6, 2, p. 1306 b 31—33; более подробные рассказы — Diod., XIV, 13; Plut., Lys. 24—26; 30, 3—5; Ages. 8, 3 слл.; 20, 3—5; Nepos, Lys. 3; умолчание Ксенофонта не может служить основанием для отрицания надежности наличной традиции, ибо для этого про-спартански настроенного писателя естественно было обойти молчанием факты, могущие бросить тень на официальных руководителей и строй

²⁵ Ликвидацию декархий, этот последний и решающий момент в ниспровержении могущества Лисандра, следует датировать, таким образом, временем около 402 г.

Спарты; ср. подчеркнутые заверения Ксенофонта относительно того, что в Спарте никогда не посягали на царскую власть, — Xen., Ages. 1, 4)²⁶.

Существование проекта Лисандра сводилось к реформе царской власти, а именно, согласно наиболее обстоятельным рассказам Диодора и Плутарха, он хотел сделать царскую власть в Спарте из наследственной — выборной и из достоинства всего лишь двух знатных родов, Агиадов и Эврипонтидов — достоинством всех Гераклидов, и даже не одних только Гераклидов, но всех вообще спартанцев, кто только мог претендовать на это отличие в силу своей личной доблести. План этот не был произведением досужего мечтателя; энергичный политик, Лисандр предпринял определенные шаги к подготовке его реализации. По его заказу некий Клеон из Галикарнаса, очевидно ученый софист, составил обстоятельную речь, которую Лисандр намерен был произнести перед согражданами в пользу своего проекта. Далее, учитывая традиционное значение оракулов, к которым спартанское общество имело обыкновение прислушиваться при проведении любых политических преобразований, Лисандр неоднократно пытался склонить на свою сторону служителей крупнейших пророчищ в Дельфах, в Додоне и даже в ливийском оазисе Аммона с тем, чтобы они от имени своих богов огласили составленные им предсказания. Попытки эти окончились неудачей, равно как еще одна более хитроумная попытка (о ней рассказывает только Плутарх) получить и огласить соответствующие предсказания в Дельфах через посредство некоего Силеня, о котором шла молва, что он сын Аполлона. Весьма вероятно, что Лисандр не собирался останавливаться на этом, однако смерть положила конец всем его интригам.

Таково в главных чертах содержание задуманного и подготовлявшегося Лисандром переворота. Изложенная выше версия представлена в общем одинаково у Диодора, Плутарха и — в том, что касается практических манипуляций, — Корнелия Непота. По-видимому, все трое опирались на один общий источник, скорее всего на Эфора, который для данного периода греческой истории вообще является главным источником Диодора и на которого неоднократно — и только на него по имени — ссылается Плутарх (см. Plut., Lys. 25, 3; 30, 3)²⁷. Несколько отличаются от этой версии — в том, что касается замысла Лисандра, — сообщения Аристотеля и Корнелия Непота: согласно Аристотелю, Лисандр собирался совершенно уничтожить царскую власть в Спарте (Arist., Pol. V, 1, 5, p. 1301 b 19—20 — *καταλῦσαι τὴν βασιλείαν*), а по Непоту, — уничтожив, создать вместо нее должность выборного военного вождя (Nepos, Lys. 3, 1 — *reges Lacedaemoniorum tollere*; 5 — *ut regia potestate dissoluta ex omnibus dux deligatur ad bellum gerendum*). Аристотель не называет по имени своего источника, ограничиваясь туманным «по утверждению некоторых» (*φασὶ ... τινες*), а у Непота нет даже и такой ссылки; тем не менее судя по сходству основных выражений (ср. Diod., XIV, 13, 2 — *διωξαίτο καταλῦσαι τὴν τῶν Ἡρακλειδῶν βασιλείαν* κτλ. и 8 — *καταλῦσαι τοὺς ἐν Ἡρακλειδοῖς βασιλεῖς*), они пользовались тем же источником, что и Диодор и Плутарх, т. е. Эфором (Непот) или общим с Эфором источником (Аристотель), лишь более адаптировав его в соответствии со своими целями²⁸. Таким

²⁶ Для объяснения позиции Ксенофонта ср. Velosch, ук. соч., III, 1, стр. 27, прим. 1; H. R. Veitenbach, Xenophon, 6, RE. 2. Reihe, Bd IX, Hbbd 18, 1967, стб. 1702.

²⁷ Ср. Meuser, ук. соч., V, § 760, стр. 48; Velosch, ук. соч., III, 1, стр. 27, прим. 1.

²⁸ Ср. комментарии Ф. Зуземиля и У. Ньюмена в их изданиях «Политики» Аристотеля (Aristoteles, Politik. Griechisch und Deutsch, hrsg. von F. Susemihl, II. Lpz, 1879, стр. 318, с несколько прямолинейным допущением, что Эфор и был источником Аристотеля; Aristotle, The Politics. With an Introduction etc. by W. L. Newman, vol. IV, Oxf., 1902, стр. 287).

образом, в их сообщениях не следует видеть отражение какой-то иной, отличной от Диодора и Плутарха версии; единственный существенный нюанс состоит в том, что они с большей определенностью подчеркивают новаторский характер замысла Лисандра — его намерение ликвидировать существовавшую ранее наследственную и двойную царскую власть и заменить ее выборной и единоличной военной диктатурой.

Все эти сведения, в основном восходящие к одному почти современному и хорошо осведомленному источнику, дают возможность составить достаточно отчетливое представление о содержании затеянной Лисандром политической интриги; одно остается неясным: к какому именно времени ее следует приурочить? Диодор рассказывает о ней в начале 14-й книги под 403/2 г., ставя замысел Лисандра в связь с ростом его заносчивости ввиду победы в Пелопоннесской войне и успеха с устройением политических дел в Элладе (см. Diod., XIV, 13, 2 — *διότι ἐπὶ τούτοις περὶ φρονήματις αὐτοῦ διενοεῖτο κτλ.*). Корнелий Непот ставит замысел Лисандра в связь с ликвидацией спартанским правительством его системы декархий (см. Nepos, Lys. 3, 1 — *quo dolore incensus iniit consilia etc.*), тем самым относя начало интриги к несколько более позднему времени. Наконец, Плутарх рассказывает о ней след и в связи с упоминанием о бесславном возвращении Лисандра из Малой Азии от Агесилая (395 г.). При этом, однако, он признает, что Лисандр еще и прежде ненавидел весь существовавший в Спарте государственный строй и что теперь он решил приступить к осуществлению тех своих планов, которые вынашивал уже давно (см. Plut., Lys. 24, 2). Эти замечания Плутарха указывают путь к примирению всех трех свидетельств. Невероятные полномочия, влияние и популярность Лисандра в конце Пелопоннесской войны могли содействовать рождению в его душе различных честолюбивых замыслов, а контрмеры, принятые спартанской общиной против угрожающего возрастания личного могущества Лисандра, должны были раздражить его и внушить прочное уже убеждение в необходимости радикального переворота. Поскольку противодействие каждый раз исходило в особенности от царей — сначала от Павсания, а затем от Агесилая, — то он и решил прежде всего реформировать царскую власть. План мог вынашиваться исподволь (начиная, может быть, еще с 404 г.), решение могло приниматься (последний раз — после афронта, полученного от Агесилая) и вновь откладываться ввиду снова появившихся надежд добиться своей цели иным и более простым путем. При этом на одной стадии могли произойти манипуляции с оракулами Аполлона Дельфийского, Зевса Додонского и Аммона, о которых вслед за Эфором согласно рассказывают Диодор, Плутарх и Корнелий Непот, а на другой — история с Силеном, выдаваемым за сына Аполлона, о которой со ссылкой на анонимного автора рассказывает один лишь Плутарх²⁹. При такой интерпретации отпадает необходимость не только в оказании безусловного предпочтения одному свидетельству перед другим, но и в более точной датировке: можно и, очевидно, даже должно удовольствоваться лишь самым общим указанием на послевоенный период жизни и деятельности Лисандра — между 404 и 395 гг.³⁰

²⁹ Раскрыть этот аноним не представляется возможным, однако, судя по контексту и вопреки мнению некоторых комментаторов (ср. С. Я. Лурье, *ad loc.*, в кн.: Плутарх, *Избранные биографии*, М.—Л., 1941, стр. 424, прим. 100), это был во всяком случае иной, отличный от Эфора писатель. Кстати, то, что Эфор не был единственным источником Плутарха, подтверждается наличием у Плутарха (Lys. 24, 3 слл.) двух версий замысла Лисандра: согласно одной, Лисандр собирался сделать царскую власть достоянием всех Гераклидов, а по другой (т. е. по версии Эфора) — достоянием вообще всех спартанцев. Впрочем, первая версия, излагаемая Плутархом от собственного имени, может быть просто его личным мнением.

³⁰ Ближе к этому мнению В. Фишера (ук. соч., I, стр. 146 слл.).

Замыслу Лисандра не суждено было осуществиться, однако не это для нас сейчас важно — важен самый факт подобного замысла, свидетельствующего об огромном честолюбии того, кто его вынашивал. Ибо хотя в зарождении планов реформы известную роль могли сыграть и искренние заботы Лисандра об улучшении государственного управления, — и с этой точки зрения его можно было бы рассматривать как далекого предшественника знаменитых спартанских реформаторов III столетия³¹, — все же несомненно, что истинной подолекой всей интриги были не эти заботы, а стремление обеспечить за собой лично первенствующее положение в государстве. Это подчеркивали уже античные писатели, как позднейшие — Диодор и Плутарх, отмечавшие, что в случае успеха Лисандр надеялся сам стать первым избранным по новому принципу царем (см. Diod., XIV, 13, 2; Plut., Lys. 24, 4 и 6), так и более ранний — Аристотель (см. Arist., Pol. V, 6, 2, p. 1306 b 31—33), это подтверждается вообще всем, что нам известно о личности и поведении Лисандра. Рано, еще в период первой его навархии обнаружившаяся у Лисандра тенденция придать своим действиям на благо Спарте и общегреческой олигархии известный личный оттенок, характерное предпочтение, которое он оказывал позднее, при назначении декархов и гармостов, своим личным друзьям, и не менее характерное желание укрепить свою личную связь с войском, например, пожалованием земель завоеванного Сеста своим ветеранам, наконец, упорное подчеркивание и пропаганда своих личных заслуг как через посредство раболепствующих перед ним поэтов, так и с помощью соответствующих посвящений в Спарте (изображения двух орлов с Никами в память о своих победах при Нотии и Эгоспотамах, см. Paus., III, 17, 4) и в Дельфах (изображения богов и союзных военачальников в память победы при Эгоспотамах со статуей самого Лисандра на переднем плане, в группе богов, рядом с Посейдоном, который увенчивал его победным венком, см. Plut., Lys. 18, 1; Paus., X, 9, 7 слл.; Ditt., Syll.³, I, № 115)³², — все это были проявления осознанных стремлений Лисандра к упрочению своего личного первенствующего положения в Спарте и Элладе. Стремления эти могли быть тем более опасными, что Лисандр, подобно Сулле, с которым его, в общем не без оснований, сравнивает Плутарх, был достаточно уже заражен скепсисом и цинизмом, в духе времени и не без влияния софистов презирая обычные условности и исповедуя культ силы. О его коварстве и пренебрежении к клятвам свидетельствует не только приписываемое ему высказывание о том, что взрослых надо обманывать клятвами, как детей игральными костями (см. Diod., X, 9, 1; Plut., Lys. 8, 4 сл.; Polyae., I, 45, 3; Aelian., VH, VII, 12), но и действительное его поведение при устройении политических дел в Милете (см. Diod., XIII, 104, 5 сл.; Plut., Lys. 8, 1—3; Polyae., I, 45, 1) и на Фасосе (см. Polyae., I, 45, 4; Nepos, Lys. 2, 2 сл.). О его жестокой расчетливости красноречиво говорит избивание 3000 пленных афинян после битвы при Эгоспотамах, с сознательным намерением ослабить таким образом социальную базу демократии в Афинах (см. Xen., Hell. II, 1, 30 слл.; Plut., Lys. 13, 1 сл.; Paus., IX, 32, 9)³³, а также после-

³¹ Показательна уже сама идея реформирования царской власти. В этой связи нелишним будет отметить, что и в составленной несколько позднее «Лакедемонской политики» Ксенофонта в качестве здорового начала в спартанском государстве подчеркивалась именно царская власть (см. гл. 14—15), и в деятельности реформаторов III столетия Агиса и Клеомена исходным пунктом было радикальное обновление все этого же органа власти.

³² Хотя это посвящение в Дельфах не было, строго говоря, личным делом Лисандра, — памятник официально воздвигнут от имени государства лакедемонян, — все же несомненно решающее участие самого Лисандра в сооружении этого монумента. Ср. Lotze, ук. соч., стр. 56 сл.

³³ Такое именно истолкование этому поступку Лисандра дает Д. Лотце (ук. соч., стр. 36).

дующий стон в Афины всех афинских граждан из других греческих городов с целью вызвать в Афинах как можно скорее голод и тем ускорить их капитуляцию (см. Xen., Hell. II, 2, 1 сл.; Plut., Lys. 13, 3 сл.). Не менее показательным его рационалистическое, если не сказать утилитарное, отношение к религии, столь ярко проявившееся в намерении использовать оракулы для воздействия на умы сограждан при проведении задуманной им реформы царской власти³⁴. Вообще подготовка Лисандром своего *coup d'état* поражает обилием всякого рода сложных и продуманных ухищрений. Насколько обращение к ним не было со стороны Лисандра случайностью, как высоко он ценил здесь помощь профессиональных знатоков политической премудрости — софистов и как близок был с некоторыми из них, видно из того, что речь, которую он намеревался произнести перед гражданами Спарты в защиту своего проекта, составил для него именно один из таких специалистов, Клеон Галикарнасский. И наконец — *last but not least* — еще одно свойство Лисандра — умение и склонность устанавливать личные контакты с властителями в окружающем мире, сначала с Киром, позднее с Дионисием Сиракузским (о связях с этим последним см. Plut., Lys. 2, 7 сл.; Apophth. Lac. Lys. I, p. 229 a; Praes. conjug. 26, p. 141 d — e). Склонность к общению с такими людьми нельзя не рассматривать как свидетельство гомогенности натуры самого Лисандра. Вместе с тем очевидна практическая опасность, которая таилась во всем этом для полиса: при случае дружба нелояльного честолюбца с сильным чужеземным властителем становилась исходным пунктом в его движении к власти (ср. связь Алкивиада с Тиссаферном, Гермocrates Сиракузского — с Фарнабазом).

Все эти факты достаточно красноречивы. Властолюбивый, деятельный, не слишком щепетильный в выборе средств, располагающий поддержкой влиятельных друзей и хитроумных советников, Лисандр должен был внушать сильнейшее недоверие всем истинным приверженцам старинного космоса. Он сам казался хитрым и лукавым софистом, особенно в сравнении с таким носителем старинной добродетели, каким был незадачливый Калликратид (ср. Plut., Lys. 7, 5 сл.); в его характере и в его поведении угадывались контуры потенциального тирана³⁵.

И все же потенция еще не есть самая реальность, и на вопрос, стремился ли Лисандр именно к тирании, мы не решились бы ответить утвердительно. Дело в том, что, с другой стороны, — и в этом тоже есть известное сходство с Суллой — в Лисандре чувствуется определенная скованность, продиктованная все еще сильным авторитетом полиса. Сам проект задуманной Лисандром реформы свидетельствует о желании добиться первенствующего положения и единоличной власти по возможности законным путем. Стремясь к этому, Лисандр так и не решился прибегнуть к крайним средствам и ограничился в общем не слишком-то опасными манипуляциями с оракулами, которые, как и следовало ожидать, успеха не принесли. Он никогда не допускал, по крайней мере внешне, таких проявлений нелояльности по отношению к своему государству, на какие решался Алкивиад. В отличие от того, как действовал Критий в бытность свою в Фессалии, он не искал противоестественных для людей его круга контактов с социальными низами, хотя возможности для этого были, например во время заговора Кинадона. Наконец, в отличие от своего соотечественника и соратника Гилиппа он не испытал соблазна обогатиться на

³⁴ Для оценки отношения Лисандра к религии ср. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, I, стр. 743 сл.

³⁵ Сопоставление Лисандра с тиранами проводилось уже в древности (у Плутарха и Элиана в связи с упоминаниями о приписываемом Лисандру высказывании насчет того, как надо обманывать людей, — Plut., Lys. 8, 5; Aelian., VH, VII, 12).

общественный счет и к концу жизни лично остался столь же беден, как был в начале (см. Plut., Lys. 2 и 30, со ссылкой на Феопомпа)³⁶. Прав, по-видимому, Г. Берве, когда он заключает свои рассуждения о Лисандре следующим образом: «Даже в это время растущего внутреннего загнивания спартанский государственный порядок был достаточно крепок, чтобы удерживать под своим влиянием даже самые сильные, удачливые и вне Спарты распорядившиеся самовластно личности. Если Алкивиад мог играть с мыслью о тирании, впрочем из предусмотрительности не давая ей воли, то спартиату Лисандру она была чужда (...). Для установления тирании спартацем в расчет мог идти в лучшем случае чужеземный город, где соответствующий человек повелевал, скажем, в качестве гармоста»³⁷. Примером является Клеарх, сын Рамфия, который на короткое время стал тираном в Византии³⁸.

В истории Пелопоннесской войны имя Клеарха встречается неоднократно; Фукидид, Ксенофонт и Диодор, не раз упоминают об ответственных поручениях, которые спартанское командование возлагало на Клеарха, из чего можно заключить, что он занимал видное положение и пользовался большим авторитетом среди спартацев. Летом 412 г. Клеарх был назначен руководить предстоящими наступательными операциями в Геллеспонте, т. е. на одном из важнейших участков войны. В следующем 411 г. он действительно отплыл с 40 кораблями из Милета на север на соединение с Фарнабазом, однако из-за бури должен был вернуться обратно. Лишь 10 кораблям под начальством мегарца Геликса удалось тогда достичь Геллеспонта и склонить к отпадению Византий, между тем как сам Клеарх отправился к месту своего назначения по суше (см. Thuc., VIII, 8, 2; 39, 2; 80, 1 сл.). В последующем, используя Византий в качестве базы, он вел военные действия совместно с Фарнабазом (ср. Diod., XIII, 40, 6). В битве при Кизике в 410 г. Клеарх командовал частью спартанских войск и оказал ожесточенное сопротивление афинским военачальникам Фрасибулу и Ферамену (см. там же, XIII, 51, 1—4). Затем он, по-видимому, возвратился в Грецию, но зимой 410/9 г. снова по настоянию спартанского царя Агиса был отправлен с отрядом кораблей в Византий с тем, чтобы пресечь снабжение Афин заморским хлебом. Здесь, в Византии, год спустя он был блокирован афинянами под командованием Ферамена и Алкивиада. Нуждаясь в деньгах для выплаты жалованья солдатам и желая собрать корабли для деблокады города, Клеарх отправился за помощью на азиатский материк к Фарнабазу. В его отсутствие часть византийцев вошла в сговор с неприятелем и открыла ворота города; оставшийся пелопоннесский гарнизон был вынужден капитулировать (см. Xen., Hell. I, 1, 35 сл.; 3, 15 сл.; Diod., XIII, 66 сл.; Plut., Alc. 31). Эта неудача не повлияла, однако, существенным образом на военную карьеру Клеарха: два года спустя он участвует в морском сражении у Аргинусских островов, причем наварх Калликратид на случай своей гибели назначил его своим заместителем (см. Diod., XIII, 98, 1). Калликратид в этом сражении действительно погиб, однако ни сразу после сражения, ни вообще в последние три года войны мы ничего не слышим о Клеархе—возможно, по-

³⁶ Прямолинейной, утрированной выглядит характеристика Лисандра в университетском курсе В. С. Сергеева: «Первым богачом Спарты был (...) Лисандр. За время верховного командования состояние Лисандра достигло внушительных размеров» и т. д. (В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. 3-е, М., 1963, стр. 359).

³⁷ Вегве, ук. соч., I, стр. 214.

³⁸ О Клеархе и его тирании в Византии см. В. П. Невская, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 88 сл.; 95 сл.; Plass, ук. соч., II, стр. 85—87; Meyer, ук. соч., V, § 759, стр. 45 сл.; Beloch, ук. соч., III, 1, стр. 2; Th. Lenschau, Klearchos № 3, RE, Bd XI, Hbbd 21, 1921, стб. 575—577; Вегве, ук. соч., I, стр. 214 сл.; II, стр. 633.

тому, что он не имел счастья принадлежать к числу друзей становившегося все более могущественным Лисандра. Что это так, косвенным образом подтверждается тем, что после битвы при Эгоспотамах, когда Византий снова перешел на сторону лакедемонян, гармостом в этот город Лисандр назначил не Клеарха, а некоего Сфенелая (см. Xen., Hell. II, 2, 1 сл.)³⁹.

Вновь сталкиваемся мы с Клеархом уже по окончании Пелопоннесской войны. В 403 г. жители Византия, страдая от внутренних смут, очевидно вызванных проолигархической политикой Лисандра, а также от нападений соседних фракийцев, которые, естественно, должны были усилить нажим на обесиленный смутами город, обратились к спартамцам с просьбой прислать им толкового военачальника, который мог бы одновременно выступить в роли гражданского посредника и примирителя и организовать оборону города от варваров (см. Diod., XIV, 12, 2)⁴⁰. В Спарте выбор пал на Клеарха — вероятно потому, что он и раньше бывал в Византии, хорошо знал местную обстановку и даже являлся проксоном византийцев (он был им уже ко времени своего второго назначения в проливы, см. Xen., Hell. I, 1, 35). Возможно также, что известную роль здесь сыграло стремление спартанского правительства ограничить своеволие Лисандра в греческих городах, противопоставив ему и его клевретам независимых от него правительственных эмиссаров. Что назначение Клеарха исходило именно от правительства, от эфоров, но никак не от Лисандра, в этом, во всяком случае, сомневаться не приходится (ср. Xen., Анаб. II, 6, 2 слл.)⁴¹. Со своей стороны Клеарх, за время войны привыкший выступать на первых ролях, должен был активно добиваться этого назначения, которое сулило ему новые возможности для выдвижения (ср. Xen., I, с.).

Человек крутой и властный, правивший весьма сурово уже во время своего пребывания в Византии в качестве гармоста в 409—408 гг. (см. Diod., XIII, 66, 6), Клеарх менее всего оказался пригоден для роли умиротворителя (для дальнейшего см. там же, XIV, 12, 3 слл.). Располагая неограниченными полномочиями и опираясь на большой отряд наемников (*πιστευθεῖς περὶ τῶν ὄλων καὶ μισθοφόροις πολλοῖς ἀφροῖσας*), он, по-видимому, начал с преследования тех, кто в свое время сочувствовал афинянам⁴², и, идя далее по пути произвола и насилия, очень скоро стал форменным тираном (*οὐκ ἐστὶν προστατῆς ἤν, ἀλλὰ τυραννός*). Обманным путем, пригласив на какое-то жертвоприношение, он схватил и перебил городских магистратов (*τοὺς ἀρχόντας αὐτῶν*), затем зверски казнил 30 других именитых граждан (*τριάκοντα μὲν τοὺς ὀνομαζομένους Βοζαντίου*)⁴³. Имущество всех этих, а также ряда других лиц, вся вина которых состояла лишь в том, что они были богаты, он конфисковал и на вырученные деньги резко увеличил число своих наемников. Опираясь на эту армию, он повел теперь наступление на варваров и на соседние греческие города, захватив, в частности, Селимбрию. В его планы, возможно, входило создание большого территориального государства в районе проливов⁴⁴.

³⁹ L e n s c h a u, ук. соч., стб. 576.

⁴⁰ Инициаторами обращения могли быть византийские олигархи. См. Н е в с к а я, ук. соч., стр. 95.

⁴¹ Ср. также М е у е r, ук. соч., V, § 789, стр. 45; В е r v e, ук. соч., I, стр. 214.

⁴² L e n s c h a u, ук. соч., стб. 576.

⁴³ При интерпретации текста Диодора вслед за Ф. Фогелем следуем чтению древнейшего кодекса P Βοζαντίου; чтение позднейших рукописей *ΑΗΛ Βοιωτός* не дает удовлетворительного смысла. Ср. Н. М е r l e, Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon, Kiel, 1916, стр. 8, прим. 2 и стр. 72.

⁴⁴ Н е в с к а я, ук. соч., стр. 96. Некоторые подробности о пребывании Клеарха в Византии о его походах во Фракию рассказывают Полиен (II, 2, 1, 5—10) и Фронтин (III, 5, 1), однако о достоверности их и возможности приурочения к определенному времени судить трудно. Ср. М е у е r, ук. соч., V, § 759, стр. 46.

Однако самоуправство новоявленного правителя вызвало возмущение местных жителей и тревогу в Спарте. Спартанское правительство отправило к Клеарху посольство с требованием сложить власть. Поскольку, однако, он не подчинился этому требованию, против него был выслан карательный отряд под командованием Панфеда. Считая свое положение в Византии ненадежным ввиду озлобленности местного населения, Клеарх перебрался с казной и наемниками в Селимбрию. При приближении Панфеда он выступил ему навстречу, но был разбит и затем блокирован в Селимбрии. Опасаясь теперь худшего, ибо в Спарте его за неповиновение властям присудили к смерти (см. Xen., Anab. II, 6, 4)⁴⁵, он предпочел искать спасения в бегстве и, тайком оставив город, переправился на азиатский материк. Его дальнейшая судьба в качестве вождя наемного отряда на службе у Кира Младшего хорошо известна из «Анабасиса» Ксенофонта (кн. I и II) и из других источников (ср., в частности, Diod., XIV, 19 слл.; Plat., Artax. 6 слл.).

Фигура Клеарха замечательна во многих отношениях. Властолюбивый, решительный и жестокий, он был достойным представителем нового поколения, открыто исповедовавшего культ силы. Он не был единственным, кто в это время стремился обеспечить себе «княжеское» положение на периферии греческого мира, в частности в районе проливов, — для примера можно указать на Алкивиада и Ксенофонта, — однако ему одному удалось осуществить эти стремления более или менее полно. Мало того, непродолжительное его правление в Византии в 403—402 гг. было уже по своему политическому содержанию тиранией чистейшей воды. Захват единоличной власти в государстве во время внутренних и внешних осложнений, правление в обстановке полнейшего произвола, массовые казни и конфискации, опора на отряды вооруженных наемников, стремление к новым захватам и расширению своей власти вовне — вот характерные признаки, которые отличают любого тирана, и все эти признаки в случае с Клеархом налицо. И еще одна черта заслуживает быть отмеченной в Клеархе: в его лице, как правильно подчеркивает Г. Берве, впервые нашла воплощение тесная связь тираннии с кондотьеризмом, что было так характерно для эпохи младшей тираннии⁴⁶.

Клеархом мы завершаем ряд примеров, иллюстрирующих постепенное нарастание противоречий между так называемой сильной личностью и государством в Спарте на рубеже V—IV столетий. Развитие явно совершалось по восходящей линии — от общего разрыва с традицией и стихийных проявлений нелояльности к осозанным поискам путей к достижению личной власти и к реализации этих поисков, правда за пределами собственно Спарты. Хотя спартанский полис в отличие от Афин и Сиракуз избежал в то время язвы тираннии, тревожные признаки общей болезни и здесь были налицо, и с этой точки зрения нельзя недооценивать того факта, что по крайней мере одна из известных нам тиранний позднеклассического периода — в Византии — была обязана своим возникновением более или менее Спарте, ее политике, ее людям. История Спарты — яркое подтверждение того, что даже самые консервативные общины не остались в стороне от того общего движения, которое совершалось в Элладе с конца V столетия и которое мы именуем кризисом полиса.

⁴⁵ Впрочем, по Ксенофону, отзыв и осуждение Клеарха последовали сразу же после отплытия его из Спарты, что, конечно, неверно. «Неточность» Ксенофонта объясняется, очевидно, желанием снять со Спарты всякую ответственность за последующее поведение ее эмиссара. По той же причине, а также из желания обелить память покойного друга Ксенофонт ничего не говорит о самом его правлении в Византии.

⁴⁶ Berve, ук. соч., I, стр. 214 сл.

ON THE PREHISTORY OF THE LATER TYRANNY
(THE CLASH OF PERSONALITY AND STATE IN SPARTA AT THE TURN
OF THE V—IV CENTURIES)

By E. D. Frolov

The crisis of the polis in Greece in the late V—IV centuries B. C. was without a doubt a universal phenomenon, symptoms of which may be discerned even in an arch-conservative state like Sparta. One of the most striking examples of the clash between tradition and the new conditions of life was the conflict of personality and state, which was brought to a head at least in part by the Peloponnesian War. A wartime emergency situation dragged out over many long years undermined the foundations of the traditional Spartan *kosmos*, and provided an opportunity for certain ambitious men to move to the foreground. It is possible to trace the mounting contradictions between the individual conscious of his own significance and the state in Sparta. Moreover this tendency seems to have progressed from a break with tradition in general (Brasidas) and impulsive manifestations of disloyalty (Gylippus) to a conscious search for ways of attaining personal power, and finally to an achievement of such power, though not in Sparta itself (Lysander and Clearchus).

Of particular interest is the figure of Lysander, evaluations of which have diverged so widely of late. The author, however, rejects the more extreme points of view that paint Lysander as either the direct forerunner of Hellenism or else an out-and-out traditionalist preferring instead a figure reflecting the changes of a transitional period, and for that reason full of contradictions. The persistent desire for power reveals Lysander as a tyrant *in spe*, but the actual thought of tyranny was as yet alien to him. The polis of Sparta still had power and authority sufficient to hold in check even such an ambitious man as Lysander, and put a stop to such extreme acts of disloyalty as those which Clearchus allowed himself.
